

Вечером, когда Сюн Цзиньчжоу вернулся домой, Нин Гуйчжу как раз закончил шить две майки на бретелях. Увидев, как тот вошёл с двумя матерчатыми мешками в руках, он отложил готовую одежду и пошёл ему навстречу.

Заметив, что Нин Гуйчжу подошёл, Сюн Цзиньчжоу передал ему более лёгкий мешок с кукурузной мукой.

— Разве ты не говорил, что сегодня будешь заниматься с ними целый день? А где все трое?

Нин Гуйчжу вместе с Сюн Цзиньчжоу направился к кухне и по дороге рассказал обо всём, что случилось после обеда.

Брови Сюн Цзиньчжоу едва заметно дрогнули. Он чуть повернул голову, всматриваясь в лицо Нин Гуйчжу, и с улыбкой спросил:

— Хочешь помочь тому ребёнку?

Нин Гуйчжу поджал губы.

Детская злоба бывает самой чистой и самой жестокой. Этот ребёнок жил вдвоём с бабушкой-вдовой, а за их спиной не было ни одного родственника, способного протянуть руку помощи. В деревне их семью никто не принимал всерьёз, и именно поэтому те дети осмеливались безнаказанно издеваться над ним и отнимать зелень, которую он с таким трудом собирал.

И всё же, несмотря на такую жизнь, Аньхэ был хорошо воспитан. Разве можно было, увидев подобное, не захотеть ему помочь? Только сейчас Нин Гуйчжу мог придумать лишь один способ - научить их какому-нибудь ремеслу, чтобы они могли зарабатывать себе на жизнь. Но в этой семье одна была слишком стара, другой - слишком мал, и у них не было ни средств, ни сил, чтобы заняться подобным промыслом.

Видя, что Нин Гуйчжу погрузился в размышления, Сюн Цзиньчжоу убрал пшеничную и кукурузную муку, после чего потянул его к столу и усадил рядом с собой.

— О чём задумался?

Нин Гуйчжу честно поделился своими мыслями.

— Похоже, и правда непросто. — Сюн Цзиньчжоу подпер подбородок рукой и немного подумал, а затем наобум предложил: — Может, позовём их работать к нам? Будем платить по десятку-другому вэней, они наверняка согласятся.

— Разве так людям помогают? — Нин Гуйчжу беспомощно хлопнул его по руке. — Стоит нам

один раз так сделать, и кто знает, сколько потом найдётся бедствующих людей, которые придут к нам с просьбами? Мы с тобой тогда вообще жить для себя будем?

Сюн Цзиньчжоу представил описанную им картину и невольно содрогнулся.

— Тогда лучше не надо.

Нин Гуйчжу со смехом покачал головой.

— Нанять их на работу нельзя, научить чему-нибудь и отправить зарабатывать торговлей тоже не получается. Тогда что делать? — Сюн Цзиньчжоу снова задумался. — Может, я научу его нескольким приёмам, чтобы мог дать сдачи?

— Не... — Нин Гуйчжу проглотил уже готовое отрицание и, немного подумав, произнёс: — А ведь, кажется, это не такая уж плохая идея.

— М-м?

Не став объяснять Сюн Цзиньчжоу, что имеет в виду, Нин Гуйчжу ещё немного поразмыслил, а затем вновь покачал головой:

— Нет, всё-таки не пойдёт. Он слишком слаб физически. Даже если выучит приёмы, не факт, что сумеет ими воспользоваться, а время, за которое мог бы искать еду, только потратит зря.

Даже если не говорить о хромоте Аньхэ, при его очевидном недоедании, пусть он и научится драться, ему всё равно не одолеть целую толпу детей. Чтобы малой силой одолеть большую, «четырьмя лянами сдвинуть тысячу цзиней», нужно для начала иметь хотя бы эти самые четыре ляна.

— Тогда что же делать? — спросил Сюн Цзиньчжоу.

Нин Гуйчжу покачал головой, показывая, что пока ничего не придумал, и попросту сменил тему:

— Что хочешь на ужин?

Тема сменилась так внезапно, что Сюн Цзиньчжоу на мгновение опешил, но вскоре задумался.

— Хочу что-нибудь из чистой белой муки. Всё равно что.

— М-м... лепёшки с ароматным соусом?

Сюн Цзиньчжоу было всё равно.

Для таких лепёшек тесто нужно было замешивать на тёплой воде, да ещё и готовить масляную мучную смесь для слоёв. Нин Гуйчжу принялся хлопотать на кухне, а Сюн Цзиньчжоу ничем помочь ему не мог, поэтому вернулся во двор и стал присматривать за сушившимися там пшеничными зёрнами, время от времени переворачивая их.

Подготовив тесто и масляную смесь, Нин Гуйчжу искал вокруг веер, но так и не нашёл его, поэтому выпил чашку воды и вышел из кухни.

— Зачем стоишь под солнцем и переворачиваешь зерно? Не жарко?

Услышав голос Нин Гуйчжу, Сюн Цзиньчжоу прислонил деревянные грабли к стене и вошёл в главный зал. Едва переступив порог, он заметил лежавшие на столе вещи и небрежно спросил:

— Это что?

— Майки на бретелях.

Нин Гуйчжу взялся за две матерчатые лямки, поднял одну майку и слегка встряхнул.

— К нам обычно никто не приходит. Если закрыть ворота, дома можно такое носить.

Говоря это, Нин Гуйчжу украдкой следил за выражением лица Сюн Цзиньчжоу. Не заметив на нём никакого отвращения, он как ни в чём не бывало поднял вторую майку:

— А эту я сшил для тебя.

Сюн Цзиньчжоу взял кусок одежды, осмотрел его и с любопытством спросил:

— Это ты переделал ляндан?

Ляндан?

Нин Гуйчжу растерялся. Что ещё за ляндан?

Стоило возникнуть этому вопросу, как в памяти тут же всплыли воспоминания прежнего владельца тела. Ляндан и впрямь был очень похож на майку на бретелях: он состоял из двух полотнищ ткани, спереди и сзади, которые закреплялись завязками на плечах и по бокам на талии.

Нин Гуйчжу кивнул:

— Да. Только здесь ничего завязывать не нужно, просто надеваешь через голову, и всё.

Взгляд Сюн Цзиньчжоу опустился на Нин Гуйчжу. Какое-то необъяснимо дурное предчувствие заставило Нин Гуйчжу машинально отступить на шаг и с недоумением посмотреть на него.

Губы Сюн Цзиньчжоу изогнулись в улыбке. Он нарочно смягчил голос, и в нём появились соблазняющие нотки:

— Чжу-гер, а давай сегодня вечером наденем только это, хорошо?

— ...

Чжу-геру эта идея не слишком понравилась.

.

Тем временем вернёмся немного назад, на другой конец деревни.

Аньхэ, прижимая к себе опустевшую бамбуковую корзину, бежал домой. Ещё издалека он увидел бабушку, стоявшую у дверей дома и звавшую: «Малыш!», поэтому тут же громко отозвался и, прибавив шагу, поспешил домой.

— Бабушка, я вернулся!

Увидев вернувшегося Аньхэ, старуха протянула руку и погладила ребёнка по голове, но, заметив заплатанные места на бамбуковой корзине, на мгновение замерла и недоумённо спросила:ё

— А это?

Аньхэ умолчал о том, что его били, и радостно затараторил:

— Я собирал дикорастущую зелень возле дома Сюн-батоу, и корзина сломалась. Дядюшка Нин помог мне её починить. Бабушка, посмотрите, разве не красиво получилось?!

— Да... красиво. Очень красиво.

Старуха прекрасно понимала, что ребёнка наверняка кто-то обидел. Иначе корзина, которую

он всегда так берёг, не оказалась бы изломанной, да и собранной за целый день зелени не осталось бы так мало. Но она всё равно ничего не сказала, лишь приобняла ребёнка и повела в дом, по дороге без конца наставляя, чтобы в следующий раз он возвращался пораньше и не заставлял её волноваться дома.

Слушая бесконечные причитания старухи, Аньхэ наконец не выдержал и перебил её, торопясь поделиться:

— Бабушка, у меня теперь есть имя.

Старуха замерла.

— Имя?

— Господин Нин дал мне его. Аньхэ! Он сказал, что это значит... значит... — Аньхэ изо всех сил пытался вспомнить слова Нин Гуйчжу и лишь спустя некоторое время наконец произнёс: — Мирная и благополучная жизнь, а согласие приносит достаток.

Мирная и благополучная жизнь, а согласие приносит достаток. Из этих коротких восьми слогов старуха смогла понять лишь два - «мир и безопасность». Самое простое и самое обычное пожелание маленькому ребёнку.

Старуха провела ладонью по лицу. На её старом, давно оцепеневшем лице не было ни единой слезинки, лишь глаза покраснели. Она опустила голову и снова и снова приглаживала волосы Аньхэ, раз за разом повторяя его имя и без конца приговаривая:

— Как хорошо... Как красиво звучит.

Аньхэ поднял голову:

— Бабушка?

— Ничего, бабушка просто рада.

Старуха улыбнулась и похлопала Аньхэ по плечу.

— Скорее ешь. Поедим и пойдём благодарить господина Нина. У нашего Аньхэ теперь есть имя.

— Угу, хорошо!!! — радостно закивал Аньхэ.

.

Солнце уже клонилось к горизонту и вот-вот должно было скрыться. Нин Гуйчжу вместе с Сюн Цзиньчжоу собрал сушившееся старое пшеничное зерно, после чего оставил всё остальное на Сюн Цзиньчжоу, а сам отправился на кухню готовить ужин.

Чеснок, имбирь и белую часть зелёного лука он мелко порубил и отложил в сторону. В чашку налил соевый соус и соевую пасту, ложкой размял соевые бобы, затем приготовил чуть меньше половины чашки мучной воды и расставил рядом все необходимые приправы. Разогрев в воке масло, Нин Гуйчжу бросил туда лук, имбирь и чеснок и обжарил до появления аромата. Затем влил приготовленную смесь соусов, добавил две ложки красного сахара, нужное количество соли и немного острого перца. По мере обжаривания аромат становился всё насыщеннее. Нин Гуйчжу обмакнул кончик палочки в соус и попробовал, проверяя, достаточно ли соли, после чего влил мучную воду из чашки и продолжил помешивать, выпаривая лишнюю жидкость. Когда соус загустел как следует, он переложил его из вока и поставил в сторону до дальнейшего использования.

Нин Гуйчжу достал тесто и разделил его на небольшие порции. Каждую размял, раскатал, смазал сверху слоем остывшей масляной мучной смеси, затем сделал на лепёшке надрез и стал складывать получившиеся части одну за другой к центру. Плотно защипнув края, он снова приплюснул заготовку и ещё немного раскатал. Получилась идеальная основа для лепёшки с ароматным соусом.

Засучив рукава, Нин Гуйчжу ловко одну за другой делал заготовки. К тому времени, когда вошёл Сюн Цзиньчжоу, он уже почти закончил.

Сюн Цзиньчжоу встал рядом, посмотрел, как Нин Гуйчжу приготовил очередную заготовку, затем перевёл взгляд на стоявший рядом густой душистый соус и нежную, блестящую от масла мучную смесь и невольно заметил:

— Сколько же тут всего делать.

До этого, услышав, что Нин Гуйчжу собирается приготовить лепёшки, он думал, что тот просто замесит тесто, разделит его на небольшие кусочки и обжарит. Теперь же, увидев, сколько с этим возни, Сюн Цзиньчжоу сказал:

— А что сегодня будет из блюд? Давай потом я приготовлю. Закончишь с лепёшками и садись рядом и отдыхай, останется только дожидаться ужина.

Продолжая заниматься тестом, Нин Гуйчжу задумчиво ответил:

— Давай что-нибудь лёгкое. У лепёшек с соусом вкус довольно насыщенный.

— Обжарить зелень?

— Можно. — Нин Гуйчжу кивнул и спросил: — А тебе больше ничего не хочется?

Сюн Цзиньчжоу немного подумал и покачал головой:

— Пойду нарву зелени на заднем дворе.

Закончив со всеми заготовками, Нин Гуйчжу растопил очаг, налил в вок масло и покрутил его, равномерно распределяя по дну. Дождавшись, когда вок как следует разогреется, он положил туда лепёшку и стал медленно обжаривать на слабом огне.

Главный вкус этих лепёшек давал именно соус. Перевернув лепёшку, Нин Гуйчжу вдруг обратился к Сюн Цзиньчжоу, который как раз вернулся, вымыв зелень:

— Цзиньчжоу, нарежь две копчёные колбаски и принеси мне ещё два яйца.

Услышав его, Сюн Цзиньчжоу отложил то, что держал в руках, достал из шкафа колбаски и яйца, всё подготовил, сложил в чашку и поставил под руку Нин Гуйчжу.

Нин Гуйчжу снял готовую лепёшку с вока и отложил в сторону, затем бросил туда нарезанную ломтиками копчёную колбасу. Обжарив её до готовности, он тоже переложил её отдельно, после чего положил в вок две лепёшки, разбил прямо на них яйца, равномерно распределил по поверхности и, дождавшись, когда яйцо схватится, перевернул. По кухне поплыл ещё и аромат жареных яиц. Сюн Цзиньчжоу обжаривал зелень в глиняном горшке, но взгляд его всё это время так и косился в сторону того, что готовил Нин Гуйчжу.

Нин Гуйчжу снял лепёшки с огня, разделил колбасу на две порции и выложил сверху, затем свернул каждую лепёшку рулетом и положил их по отдельности в две чашки.

Сюн Цзиньчжоу покосился на них:

— Это прямо так и едят?

— Можно ещё немного соусом смазать, — ответил Нин Гуйчжу.

Сюн Цзиньчжоу протянул:

— А-а.

Увидев, что зелень уже почти готова, он обернул глиняный горшок тряпкой, снял его с огня и перелил овощи вместе с бульоном в чашку.

На жарку лепёшек уходило больше времени. Сюн Цзиньчжоу некоторое время понаблюдал и решил, что уже понял, как это делается. Он сам вызвался помочь, забрал у Нин Гуйчжу лопатку, а затем... с успехом поджарил одну лепёшку до черноты.

Нин Гуйчжу, всё это время стоявший рядом, посмотрел на него в полном недоумении.

— Как ты вообще умудрился?

И огонь был как надо, и масло нагрелось правильно, и лепёшка провела в воке примерно столько же времени - как она всё равно почернела?

Сюн Цзиньчжоу почесал голову.

— Не знаю.

Впрочем, до свадьбы с Нин Гуйчжу почти вся еда, которую он готовил сам, заканчивала примерно так же. Поэтому сейчас он привычным движением перевернул лепёшку, ещё немного поджарил, переложил в сторону и невозмутимо заявил:

— Ничего страшного. Теперь она готова, есть можно.

— ...

Сказать хотелось слишком многое, но в итоге Нин Гуйчжу просто поставил чашку с водой и забрал у Сюн Цзиньчжоу лопатку.

— В будущем лучше просто жарь овощи. С тестом не связывайся.

— Угу, — ответил Сюн Цзиньчжоу.

Ладно.

Когда все лепёшки были готовы, они сели за стол и первым делом съели свёрнутые рулетом лепёшки с яйцом и ломтиками копчёной колбасы. Тесто получилось хрустящим, с отчётливыми слоями. При приготовлении масляной мучной смеси Нин Гуйчжу добавлял соль, поэтому даже без соуса лепёшка сама по себе была очень вкусной. Яйцо внутри вышло достаточно плотным, но при этом нежным и ароматным, а вместе с вкусной копчёной колбасой сочетание получалось просто превосходным.

Очень вкусно!

Нин Гуйчжу ел лепёшку и заодно подцепил палочками стебелёк зелени. Хрустящая, сладковатая зелень по вкусу ничуть не уступала лепёшке.

Закончив с рулетом, Сюн Цзиньчжоу положил ещё одну лепёшку себе в чашку, ложкой зачерпнул соус, размазал по поверхности, свернул и переложил в чашку Нин Гуйчжу.

— Я и сам могу сделать, — тихо сказал Нин Гуйчжу.

В голосе звучала лёгкая улыбка, и для Сюн Цзиньчжоу это прозвучало почти как ласковый каприз. В груди у него словно защекотало.

— Но я хочу сделать для тебя.

Кончики ушей Нин Гуйчжу покраснели.

Дома было всего два вида соуса, поэтому приготовленная подлива получилась не такой богатой на оттенки вкуса, но всё равно необыкновенно ароматной. Намазанная на хрустящую лепёшку, она давала лёгкую сладость, смешанную с солёной остротой. Корочка рассыпалась хрустящими крошками, а внутри тесто оставалось мягким и нежным.

Вкус был просто бесподобным.

В доме всё уже было заранее прибрано. После ужина они покормили животных, вымыли чашки и палочки, привели в порядок кухню - и на сегодня дел больше не осталось.

Нин Гуйчжу протянул руку и поболтал пальцами воду в ведре, которая весь день грелась на солнце.

— Цзиньчжоу, я пойду сзади помоюсь.

— Хорошо, иди.

Сюн Цзиньчжоу отозвался и продолжил бамбуковой метлой сметать со двора сухие листья и веточки.

Смыв с себя весь пот, Нин Гуйчжу заправил назад выбившиеся у висков пряди, взял сшитую только сегодня днём майку на бретелях, надел её, а сверху - верхнюю одежду и всё остальное. Без одного лишнего слоя с длинными рукавами и впрямь стало заметно прохладнее.

Выйдя с деревянным ведром, Нин Гуйчжу обратился к Сюн Цзиньчжоу, который уже принялся подметать задний двор:

— Иди мойся, а здесь я закончу.

— Тут совсем немного осталось. Я сам домету, чтобы тебе снова не пришлось потеть.

— Ну хорошо.

Сюн Цзиньчжоу потратил ещё немного времени, чтобы закончить уборку, а затем взял воду и отправился мыться. Когда он вышел, Нин Гуйчжу уже забрал сменную одежду, которую тот оставил на скамейке снаружи, и успел замочить и выстирать её начисто.

— Хочешь прогуляться? — Сюн Цзиньчжоу отложил вещи, подошёл со спины к сидевшему над шитьём Нин Гуйчжу, наклонился и, слегка надавив ему на плечи, позвал с собой.

Солнце уже зашло, но на горизонте ещё сохранялось не успевшее угаснуть сияние. Это было одно из тех редких мгновений за день, когда вокруг становилось особенно приятно и спокойно. Нин Гуйчжу поднял голову и посмотрел на серо-голубое небо, по которому пролетали птицы. Рука с иглой и ниткой невольно опустилась. Увидев, что тот уже соблазнился предложением, Сюн Цзиньчжоу вынул шитьё из его рук, положил на стол в главном зале, затем развернулся, взял Нин Гуйчжу за руку и повёл наружу.

Наевшиеся Даван и Эрцай дремали в углу двора. Заметив хозяев, они с парой негромких гавканьем поднялись, изо всех сил отряхнули шерсть и, размахивая хвостами, бросились следом.

Теперь стены вокруг двора были достаточно высокими, и за кур с утками можно было не беспокоиться. Поэтому Нин Гуйчжу и Сюн Цзиньчжоу уже почти не ограничивали собак. Увидев, что те мчатся к ним, они просто немного постояли у ворот, дождались, пока Даван и Эрцай выбегут наружу, и только потом закрыли двор.

Кот, который только-только поднялся:

— ?

Он зевнул, потянулся и снова улёгся на крыше стойла для мула.

Нин Гуйчжу и Сюн Цзиньчжоу, держась за руки, неспешно вышли со двора, а две собаки носились взад-вперёд перед ними.

Неподалёку Аньхэ, который старательно отмыл с себя всю грязь, крепко держал бабушку за руку и, запрокинув голову, смотрел на бабушку:

— Мы сейчас пойдём?

Старуха крепко держала Аньхэ за руку и молча смотрела на супругов, шагавших бок о бок. Затем тихо сказала:

— Давай немного подождём.

Не подозревая, что их кто-то ждёт, Нин Гуйчжу и Сюн Цзиньчжоу дошли до переднего дома. Домашние как раз закончили прибираться во дворе: Лю Цюхун и Сюн Шишань сидели на открытом месте, обмахивались веерами и наслаждались вечерней прохладой, а Сюн Цзиньпин и Ван Чуньхуа, засучив рукава, купали троих маленьких озорников. Когда они вошли во двор, тем было даже не до приветствия.

Сюн Цзиньчжоу вынес две скамейки, и они с Нин Гуйчжу уселись рядом с родителями. Посмотрев на троих детей, которых усердно оттирали, он с любопытством спросил:

— А это что у вас такое?

В деревне люди с утра до вечера трудились, и каждый день мылись разве что они с Чжу-гером, не говоря уже о том, чтобы ещё тратить время на ежедневное купание детей.

Лю Цюхун сунула Нин Гуйчжу горсть арахиса и сказала:

— Не знаю, куда они бегали играть, но вернулись все в грязи, даже волосы спутались.

С детьми всегда так: сколько ни старайся отмыть и привести их в порядок, стоит выпустить из дома, и совсем скоро они снова возвращаются растрёпанными с головы до ног. Сегодня хотя бы одежду не порвали, так что достаточно было хорошенько их отмыть.

— А-а... — протянул Нин Гуйчжу и неизвестно каким образом пришёл к выводу: — Тогда, пожалуй, впредь снова буду заниматься с ними целыми днями.

Трое детей, которые только что наперебой жаловались, что им больно:

— ...

В одно мгновение они затихли, словно мёртвый пруд.

Ван Чуньхуа рассмеялась:

— Надо же, вы трое всё-таки умеете бояться.

Сюн Иньинь без сил обмякла на руке Ван Чуньхуа и жалобно занудела:

— Мы вовсе не боимся. Это называется почитать учителя и уважать его учение.

— Ладно-ладно, почитать учителя и уважать его учение, — согласилась Ван Чуньхуа, оттирая ей ступни. — Главное, чтобы слушались.

Сюн Цзиньчжоу зацепил пальцами пальцы Нин Гуйчжу. Они сидели, прижавшись друг к другу, лениво перебрасывались словами, время от времени вступая в разговор с домашними. Когда небо начало темнеть, они попрощались, поднялись и вышли со двора, после чего, всё так же держась за руки, ещё немного побродили по деревне. Закончив прогулку после ужина, они направились домой.

Аньхэ стоял перед воротами дома Сюн, легонько гонял ногой камешек и играл с собаками, которые вернулись домой раньше хозяев. Увидев приближающихся Сюн Цзиньчжоу и Нин Гуйчжу, он тут же выпрямился:

— Бабушка, господин батоу и дядюшка Нин вернулись!

Старуха, сидевшая на камне у ворот, услышала его и, опираясь рукой о стену, медленно поднялась.

Заметив у ворот людей, Сюн Цзиньчжоу и Нин Гуйчжу ускорили шаг. Умытый Аньхэ так сильно отличался от того грязного ребёнка, которого Нин Гуйчжу видел днём, что с первого взгляда он его даже не узнал. Сюн Цзиньчжоу первым поздоровался со старухой:

— Бабушка, зачем вы пришли?

Старуха держала в руке бамбуковую корзину и немного смущённо объяснила:

— Из-за имени. А ещё дома как раз набралось немного грибов. Я подумала, что у вас, наверное, нет времени ходить в горы, вот и принесла немного, чтобы вы попробовали.

Их семья могла предложить в подарок разве что то небольшое, что удавалось собрать в горах.

Нин Гуйчжу и Сюн Цзиньчжоу поспешили пригласить их во двор.

— Вы давно пришли?

Старуха покачала головой:

— Только недавно. Пока ребёнка помыла, немало времени ушло.

— Скорее садитесь, я принесу вам воды.

С этими словами Нин Гуйчжу быстрым шагом направился на кухню, одновременно дав Сюн Цзиньчжоу знак принести для гостей скамейки. Старуха и Аньхэ уселись.

Вчетвером они сидели во дворе, наслаждались вечерним ветерком и неспешно беседовали. Старуха пришла главным образом для того, чтобы выразить благодарность, но в глубине души у неё было и небольшое желание наладить с ними хорошие отношения. В деревне хватало людей, которым было жаль одинокую старуху с маленьким ребёнком, однако тех, кто действительно протягивал им руку помощи, можно было пересчитать по пальцам. Сначала им позволили подбирать пшеничные колосья, потом дети семьи Сюн помогли Аньхэ, а теперь ещё и дали ему имя. Сюны были хорошими людьми.

Она была уже очень стара и не знала, когда придёт её срок покинуть этот мир. Перед смертью ей хотелось ещё раз поступить эгоистично: если Аньхэ сумеет поладить с семьёй Сюн, то после её ухода у ребёнка хотя бы останется в этом мире кто-то, с кем можно будет поговорить. Эти мысли она прятала глубоко в сердце, ничем их не выдавая. Нин Гуйчжу просто беседовал со старухой и находил разговор с ней весьма интересным.

Недаром говорят, что с возрастом человек набирается житейской мудрости. Хотя старуха никогда не училась грамоте, рассуждала она очень здраво и ясно. Даже рассказывая порой о событиях прошлого, она не повторялась раз за разом, растягивая рассказ до скуки.

Проводив двух гостей, Нин Гуйчжу и Сюн Цзиньчжоу продолжили обсуждать недавнюю тему, попутно убирая чашки и скамейки.

.

Аньхэ был словно самое осторожное травоядное животное в лесу: понемногу прощупывал окружающий мир, отыскивая места, где мог чувствовать себя в безопасности. После нескольких недавних событий лес возле дома Сюн, несомненно, стал для него самым безопасным местом, поэтому он часто приходил сюда собирать дикорастущую зелень.

Нин Гуйчжу пока никак не мог придумать подходящего заработка для бабушки с внуком. Заметив, что Аньхэ часто бывает в соседнем лесу, он попросту стал брать туда и троих детей, обучая их различать ещё несколько видов съедобной зелени, а заодно помогая сделать рацион семьи Аньхэ немного разнообразнее.

О некоторых из этих дикорастущих растений Нин Гуйчжу раньше рассказывал Девятой тёте. Однажды во время сбора он заметил, что Аньхэ их знает, и между делом спросил, откуда тот о них узнал. Тогда и выяснилось, что, как только жизнь Девятой тёти немного наладилась, она рассказала об этих растениях нескольким самым бедным семьям деревни, причём особо сказала, что научить их велел Нин Гуйчжу.

Услышав, как добро передаётся дальше от одного человека к другому, можно было и вправду ходить в прекрасном настроении весь оставшийся день.

Сбор дикорастущей зелени нельзя было назвать настоящей детской забавой, но всё же он радовал детей куда больше, чем необходимость сидеть на скамейке, раскачиваться из стороны в сторону и зубрить книжные премудрости.

Нин Гуйчжу выпрямился, проверяя, где находятся все трое, а затем перевёл взгляд на Аньхэ, который неподалёку от него сосредоточенно собирал зелень.

В голове Нин Гуйчжу вдруг мелькнула мысль, и он спросил:

— Аньхэ, хочешь научиться чему-нибудь, чтобы зарабатывать деньги?

Аньхэ замер. Он каждый день ходил собирать зелень и порой оказывался рядом со взрослыми, поэтому знал, что Нин Гуйчжу уже научил многих разным ремёслам. Мальчик был сообразительным и тут же ухватился за возможность:

— Дядюшка хочет научить меня что-нибудь делать?

— Да. — Нин Гуйчжу протянул руку и поправил ему волосы. — Только дядюшка пока не может придумать, чему именно тебя лучше научить.

Аньхэ серьёзно задумался, а потом с надеждой предложил:

— Дядюшка, научите меня делать цветы для волос?

Рука Нин Гуйчжу замерла.

— Цветы для волос?

— Угу. — Аньхэ припомнил: — На Новый год у одной девочки был такой цветок, она сказала, что он стоит целых три вэня! А если цветы не продадутся, их можно оставить дома и в следующий раз снова вынести на продажу, они ведь не испортятся.

Нин Гуйчжу осенило. Раньше он учил людей исключительно тому, что было связано с едой, и незаметно сам загнал свои мысли в эти рамки, совершенно забыв о самых обычных вещах. И надо признать, цветы для волос действительно подходили Аньхэ.

— Я могу научить тебя и бабушку делать много разных цветов для волос. Но прежде чем начать зарабатывать, придётся сначала потратить немного денег, а потом ещё носить готовые

вещи в уездный город на продажу. Вернёшься домой, обсуди всё с бабушкой и завтра дашь мне ответ, хорошо?

Аньхэ изо всех сил закивал:

— Спасибо, дядюшка! Я запомнил!

— Умница.

Найдя для них способ хоть немного улучшить жизнь, Нин Гуйчжу и сам почувствовал себя легче.

<http://bllate.org/book/14958/2104603>